

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАПКАН

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАПКАН

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
М14

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-4191-6

- © Майдуков С. Г., 2017
- © Depositphotos / minervastock, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ГЛАВА 1

Иногда, проснувшись, мы горько сожалеем об этом. Потому что реальность оказывается хуже и страшнее самого кошмарного сновидения. Нам не хочется в явь, мы бы все отдали за возможность опять забыться и очнуться в каком-нибудь другом месте.

Вадим Петрович Туманов открыл глаза, поморгал и снова закрыл. Было невыносимо видеть шконку над собой, слышать многоголосый храп, вдыхать вонь, ощущать духоту и тесноту тюремной камеры.

СИЗО. Двухсложная аббревиатура, не просто меняющая твою судьбу, а ломающая ее к такой-то матери. Ты стремился к чему-то, строил планы, выверял, прикидывал и вдруг — бац! — со всего маху да об стену. Об эту самую, обшарпанную, толстенную, отсыревшую от многолетних испарений. Исписанную, оплеванную, оклеенную фотографиями глупых лоснящихся девок.

Туманов поморщился от внутренней боли, разрывающей душу.

СИЗО. Следственный изолятор. В какой-то другой стране, возможно, это еще и не тупик, не конец всему, не прижизненный коллективный склеп. Но не здесь, не здесь...

Туманов еще долго лежал неподвижно, безуспешно пытаюсь уснуть. Ничего не получалось. Мозг не желал отключаться. Мысли метались в черепной коробке, подобно зверькам, охваченным паникой и ищущим спасения. Память подбрасывала картинки, от которых хотелось плакать, биться головой о стену или молиться о спасении.

Ничего этого Туманов делать не стал. Слезами сокамерников не удивишь и не разжалобишь. Череп сам себе не раскроишь. Молиться в тюрьме некому — боги не снисходят до человеческой клоаки. Здесь каждый сам за себя.

Значит, нужно бороться. Значит, *будем* бороться.

Решив так в десятый, сотый или тысячный раз, Туманов сходил в отгороженную фанерой клетушку, которую здесь называли «парашей». В свои пятьдесят с лишним он очень страдал от невозможности уединиться тогда и на столько, на сколько нужно. Питание в СИЗО было, мягко говоря, отвратительным, а две передачи, полученные с воли, у Туманова попросту отобрали под предлогом сдачи харчей в общий котел. На столе, именуемом здесь «дубком», ни колбаса, ни консервы, ни печенье не появились. Вернее, выкладывались деликатесы только тогда, когда места занимала местная «элита». Воров, как они себя величали, было в «хате» четверо. Еще двое находились у них на побегушках, то есть «шестерили». Остальные относились к разряду мужиков. Вместе с Тумановым таковых насчитывалось одиннадцать, однако это численное превосходство ровным счетом ничего не значило. Все они были разобщены, растеряны, запуганы и безропотно подчинялись неписаным правилам здешнего общежития.

Услышав приближающиеся шаги, Туманов принялся приводить себя в порядок. И очень вовремя. К параше наведлся подручный пахана, Барбарис. Зевая во весь свой редкозубый рот, он дождался, пока место освободится, пристроился там и окликнул через плечо собравшегося уходить Туманова.

— Стой, профессор. Разговор есть.

Профессором Туманов не был. Он вообще не имел никакого отношения к науке. Он был дантистом. Пять лет назад удалось открыть собственный кабинет, который на клинику пока не тянул, но все же мало-помалу начал приносить прибыль. Теперь, правда, пошли сплошные убытки. Аренду никто не отменял, так что каждый день, проведенный в неволе, обходился недешево.

Рассеянно думая об этом, Туманов послушно стоял на месте и слушал журчание за своей спиной. Потом оно стихло, и Барбарис толкнул его в плечо:

— Давай ко мне.

Туманов направился в угол возле окошка под потолком. Свободный доступ к солнечному свету и свежему воздуху имели в камере не все. Нары возле окна занимали воры. Один из них целыми днями что-то переправлял и получал из других камер с помощью сложной системы протянутых ниток и бечевки. Туманов, наблюдая за этими манипуляциями со стороны, только диву давался. Примерно каждый час вожак, морща лоб, прочитывал очередное послание и, продолжая морщиться от напряжения, царапал ответ на обороте. Создавалось впечатление, что у него и его стаи идет какая-то сложная, насыщенная жизнь, полная событий, требующих немедленного реагирования. Выглядело это смешно, хотя Туманов, разумеется, виду не подавал.

Но вот сейчас ему стало не до смеха.

Пахан не спал. Сидел на своей шконке, превращенной в некое подобие шатра с помощью развешанных простыней. На его худых ногах красовались вполне домашние тапочки, торс обтягивали спортивные трусы и черная майка, поверх которой свисал простенький православный крестик.

Звали его Князь. Он имел обыкновение щурить свои близко посаженные глазки, отчего становился похожим на азиата. Голова и лицо у него были почти идеально круглые, с туго натянутыми подушечками щек, хотя сам Князь был поджар, жилист и довольно мускулист. Облик завершали редкие волосики, утиный нос и неожиданно срезанный подбородок под расплзшимися на все лицо губами.

Дождавшись, пока Туманов приблизится, Князь указал пальцем место, где следовало остановиться. Барбарис опустился на койку рядом с ним и забросил ногу за ногу. Лежавший наверху вор поднял голову и сонно уставился на Туманова заплывшими глазами.

Большинство арестантов досматривали сладкие утренние сны, которых до подъема еще можно было увидеть немало. Воры, как правило, вообще дрыхли допоздна, игнорируя окрики вертухаев. Было непонятно, почему сегодня они изменили своей привычке. Сказать, что Туманов чувствовал себя неудобно, значит, ничего не сказать. От тревоги перехватывало дыхание и сводило мышцы. Одна нога Туманова была охвачена противной мелкой дрожью, из-за чего ее пришлось отставить в сторону.

Состояние пожилого человека не осталось незамеченным.

— Чего зассал? — беззлобно спросил Барбарис. — Или вину за собой чуешь?

— Ничего я не чую, — отрезал Туманов.

Он плохо представлял себе, как следует разговаривать и держаться в подобной ситуации. У воров существовало множество способов придраться к жертве и, слово за слово, заставить допустить какую-нибудь оплошность. Затем выносился приговор и следовало наказание. Одному сидельцу, неосторожно ляпнувшему что-то, присудили драить полы две недели подряд. Другой расплатился деньгами. Они еще легко отделались, как понимал Туманов. И теперь он чувствовал себя так, будто стоял на минном поле, где одно неверное движение могло повлечь за собой трагическую развязку.

— Ты здесь хвост не поднимай, шершень, — сказал заплывший. — Втяни поглубже, пока с языком вместе не отрезали.

— Зачахни, Шаман, — прикрикнул Князь снизу. Его глазки ни на мгновение не упустили Туманова из виду. — За что чалишься?

— Ни за что, — ответил Туманов ровным тоном. — По ошибке.

Тут все так говорили, он уже успел это усвоить. Никто не признавался в совершенных преступлениях и тем более не каялся.

— Понятное дело, — ласково согласился Князь. — Только игра в несознанку закончилась.

— Въезжаешь? — вставил Барбарис, нетерпеливо качая ногой.

— Нет, — признался Туманов.

Что такое «несознанка», он понял. Это значило, что он не признает своей вины за совершенное преступление. Но почему вдруг воры озаботились делом Туманова? Какая им разница, как ведется следствие? Чего они вообще хотят?

— Слушай меня, — заговорил Князь негромко, почти дружелюбно. — Жизнь у тебя одна, и какой она будет здесь, — он обвел рукой замкнутое пространство камеры, — зависит от меня: хорошей, плохой или совсем никакой.

— Не будет жизни то есть, — разъяснил заплывший.

— Цыц! — Князь смотрел Туманову в глаза, словно гипнотизируя его, подменяя мысли своими, лишая воли к сопротивлению. — Кончай отпираться, Вадим Петрович. Вызовут на допрос, подмахни протокольчик и живи себе дальше. На зоне будет легче, чем здесь. Там небо видать и дышится легко. Десяточка пролетит, даже оглянуться не успеешь. Читать любишь?

— Что? — растерялся Туманов.

— Любишь, — ответил за него Князь, доброжелательно кивая головой. — Такие, как ты, вечно в книжках роются. Так я черкну маляву, кому надо, тебя библиотекарем поставят. Хочешь?

— Насколько я понимаю, на зону попадают осужденные. — Туманов машинально в последнем слове сделал ударение на «у», как это делают сотрудники правоохранительных органов. — А я не виноват.

— Нам пох, — грубо перебил его Барбарис, нога которого дергалась все быстрее. — Сделаешь, что тебе сказано, и дыши дальше. Не то кислород перекрою, гнида.

Он неожиданно вскочил и схватил Туманова пальцами за горло, больно сдавив кадык. Дышать сразу стало нечем, в глазах потемнело. Туманов слабо махнул рукой, стремясь освободиться, но уголовник уже сидел на прежнем месте, опять забросив ногу на ногу.

— Желаете продолжения? — поинтересовался Князь, почесывая татуированное плечо. — Или договорились?

— Я не виноват, — просипел Туманов, изо всех сил стараясь держаться с достоинством или хотя бы просто прямо.

— Не виновата-ая я-а-а! — гнусаво пропел Шаман с верхней шконки.

Воры засмеялись. Но в их смехе не было веселья. Только издевка и нескрываемая угроза.

В камере зажегся свет, дверь загремела от ударов снаружи, зычный голос объявил подъем и предупредил, что через полчаса начнется проверка.

— Ладно, ступай, — махнул рукой Князь. — Я сказал, ты услышал. Потом не обижайся.

Аккуратно переставляя ноги, которые вдруг отказались повиноваться, как после изрядной доли спиртного, Туманов вернулся на место и принялся заправлять постель. Вокруг него отхаркивались, сморкались, переговаривались, шаркали, выпускали газы, спорили, шутили, рассказывали бессмысленные сны, толкались, двигались, разминались, что-то грызли, чем-то запивали... Он не видел и не слышал ничего. Словно в вакууме оказался. Беда, приключившаяся с ним, дала знать о себе с новой силой и неожиданной остротой. Как будто закончилось действие наркоза, и рана откликнулась на это усилившейся болью. То, что она была душевной, несколько не облегчало страданий несчастного Туманова. Скорее даже наоборот.

ГЛАВА 2

Все рано или поздно приходят к выводу, что этот мир устроен несправедливо. Никто, нигде и никогда не может получить гарантий того, что его налаженная жизнь однажды не полетит под откос, а сам он не останется на пепелище, потеряв разом все, чем дорожил и во что верил.

Именно это произошло с Вадимом Петровичем Тумановым одним недобрый летним вечером, когда он не ожидал от судьбы никакого подвоха.

Сквозь открытую дверь балкона доносился одуряющий аромат то ли сирени, то ли жасмина — Туманов плохо разбирался в цветочных запахах. Он лежал на диване в домашних шортах, неторопливо листал новейший перевод гомеровского «Одиссея», наслаждаясь атласной гладкостью дорогой бумаги и любуясь чудесными иллюстрациями, и вполуха слушал супругу, подробно повествующую о том, как она выбирала сегодня нитки, чтобы начать вязать свитер внуку Данилке.

— Угу, угу, — кивал Туманов. Пиршественный стол, избраженный на картинке, пробудил в нем аппетит. — Аллочка, у нас есть что-нибудь сладенькое?

Именно так он выразился, как бы пошло и по-мещански это ни звучало. Что тут поделаешь, если мужчина дома зовет жену ласковым уменьшительным именем и ему хочется десерта?

— Сначала ответь на мой вопрос, — предложила Алла Туманова.

Годы постепенно иссушали былую красоту этой женщины с большими серыми глазами, тонким прямым носом и гривой

каштановых волос. Распустив их по вечерам и устроившись в дальнем углу, освещенном только настенным бра, Алла выглядела значительно моложе своих сорока пяти. Порой Туманову казалось, что у нее есть любовник, и тогда в его душе просыпалась жгучая юношеская ревность, но наваждение быстро проходило, и он забывал о своих подозрениях, которые, конечно, были совершенно необоснованными.

— А ты разве что-то спросила? — удивился Туманов.

— Спросила, — подтвердила Алла обиженно. — Какое сочетание лучше будет.

— Сочетание... э-э... чего с чем?

— Ниток с нитками, Вадик! Я никак не могу выбрать цвета. Рукавчики полосатые, перед с двумя квадратами, с этим я определилась. Но цвета? Фиолетовый с белым и черным или лучше синий?

— Синий, — уверенно кивнул Туманов.

— Или все же фиолетовый?

— Фиолетовый строже. Мне нравится.

— А синий? — спросила Алла.

— А синий... м-м... — Туманов потер щеку, — веселее.

— Но малышу что больше пойдет?

— Мне кажется, ему в любом свитере будет хорошо.

— Выкрутился, значит? — усмехнулась Алла. — Хитрый, да? Но теперь, когда ты у меня вкусненькое станешь выпрашивать, я тоже...

Она осеклась, прерванная мелодичным звяканьем мобильного: как будто монетку в копилку бросили.

Туманов испытующе посмотрел на супругу:

— Тебе сообщение. Прочитать не хочешь?

Она отрицательно качнула головой — на волосах заиграли красивые блики от люстры.

— Это твой телефон, Вадим.

Проследив за движением ее алого ногтя, Туманов увидел на полу свой мобильник, включенный в розетку. Подняв его и открыв сообщение, Туманов пошевелил бровями.

— Что там? — спросила Алла.

По-видимому, чувство ревности в ней тоже окончательно не остыло. Супруги ведь видят себя по-особому, в обманчивой дымке прежнего очарования. Друг для друга они остаются молодыми значительно дольше, чем для окружающих.

— Никольников просит приехать, — пробормотал Туманов.

— Юра? Почему не позвонил? Что за таинственность?

— Может быть, у него батарея садится...

Юрий Никольников был давним, очень давним другом Туманова. Они пересеклись еще в школе, а потом вместе провели всю молодость. Их пути-дорожки разошлись после того, как у каждого из них появились сначала невесты, а потом и полноценные семьи. Правда, они и теперь не потеряли друг друга из виду окончательно, продолжали общаться и встречаться хотя бы раз в пару месяцев.

Алла терпела присутствие Никольникова и даже порой снисходила, чтобы пококетничать с ним. А вот Светлану, его жену, на дух не переносила. Срабатывала женская интуиция, как догадывался Туманов. Дело было прошлое, но Алла что-то чувствовала, и никакие клятвы, никакие заверения в вечной и непоколебимой верности не могли ее разубедить. Что, в общем, было оправданно.

— Не думаю, что эсэмэски потребляют энергии меньше, чем разговор, — заявила Алла.

— Позвонить ему, что ли? — пробормотал Туманов.

— Вот-вот, — одобритительно кивнула Алла. — Это будет гораздо умнее, чем мчаться через весь город среди ночи. Надеюсь, ты не собираешься делать этого?

— Сейчас все выясним.

Туманов дважды набрал Никольникова, но тот не ответил.

— Спит, наверное, — заключила Алла, брезгливо сморщив нос. — Напился, отправил послание, а сам дрыхнет.

— Нет, на Юрку это не похоже. Совсем не похоже.

— Да? А кто на Новый год у нас на унитазах отключился?

— Тоже мне, вспомнила, — отмахнулся Туманов. — Это же лет двадцать назад было.

— Пятнадцать, — холодно уточнила Алла. — Куда? Ты что, действительно собрался ехать? Что твой дружок тебе написал? У него пожар? Или какая-то другая беда?

Туманов, успевший перейти в спальню, открыл шкаф и крикнул:

— Просто так он бы меня не позвал.

— Если ему очень надо, найдет способ перезвонить.

На ходу надевая свежую рубашку, Туманов вернулся в гостиную. Присел на корточки рядом с женой. Положил ладонь ей на руку.

— Алла, он мой друг. Я не могу не откликнуться.

Она вздохнула, пожала плечами и спросила:

— Что написал-то?

Туманов включил телефон, открыл сообщение и показал. Оно гласило:

Срочно приезжай на дачу. Нужно поговорить. Сейчас.

— Я бы на твоём месте осталась дома, — заявила Алла, высвобождая руку и вставая. — Ты не мальчик на побегушках, не прислуга. Ему надо, пусть сам и едет. Напиши. — Она кивнула на телефон, все еще находящийся в руках мужа. — Мы не в пещерном веке живем. Компьютеры, в конце концов, есть. Свяжитесь и говорите, сколько влезет.

— Нет. — Туманов упрямо покачал головой. — Я лучше поеду.

— Воспоминания проснулись? Нейметса тебе, да?

Скрестив руки на груди, Алла подошла к черному окну и остановилась напротив своего размытого отражения.

— Какие воспоминания? О чем ты?

Прозвучало это до того фальшиво, что Туманова самого передернуло.

— А ты не знаешь?

— Нет.

Алла медленно повернулась к мужу. Ее лицо было злым, красивым и совсем не старым.

— Думаешь, я не знала, что ты путался со Светкой?

Туманова словно под дых ударили.

— Я? — проямлил он. — Со Светкой? Ты что?! Разве я мог с женой лучшего...

— Мог, — жестко перебила Алла. — Никольников в армии тогда служил, я в роддоме с Андрюшкой лежала. А вы с этой шлюхой у нас дома кувыркались. На брачном ложе.

Все было чистой правдой, если не придираться к слову «кувыркались». Туманов отметил рождение сына на работе, вечером случайно столкнулся со Светланой в магазине. Сам не знал, как она оказалась у него дома. Нет, знал. Не зря же шампанского купил и предложил событие отметить. Посидели. Потом полежали. А потом еще несколько раз встречались, даже после возвращения Юрки из армии. И ведь получалось у Туманова и другу в глаза смотреть, и жене. А вот теперь не смог. Отвел глаза, а потом и опустил.

— Перестань, Алла, — попросил он. — Зачем прошлое ворошить?

— Лучше спроси, откуда мне известно? — предложила она, недобро улыбаясь.

— Ну... откуда?

Он посмотрел на нее.

— Светка сама мне все и рассказала. Позвонила однажды и проболталась. «Срок давности ведь вышел, — говорит. — Ты не сердись?» Я сказала — нет.

— Господи, Алла. Я тогда дурак был. Молодой дурак, понимаешь?

— Молодой подонок, — сказала она. — Пользовался тем, что у меня мама умерла и сын на руках. Никуда не денется дурочка доверчивая, да?

Этот резкий переход от мирных домашних посиделок к бурному выяснению отношений совершенно выбил Туманова

из колеи. Еще пару минут он оправдывался, потом повысил голос, потом сказал что-то обидное. Ссора быстро переросла в скандал, после которого оставаться дома стало совершенно невозможно.

Хлопнув дверью, Туманов ушел. Вернуться домой ему было не суждено.

ГЛАВА 3

Юрий Никольников был журналистом, но не столичным и не знаменитым, а посему не слишком преуспевающим. В его городской двухкомнатной квартире ютился не только он сам с женой, но и их дочь с ребенком, поэтому летом Никольников предпочитал сбегать на дачу, где ему никто не мешал творить и наслаждаться свободой и одиночеством. Туманов бывал там не раз, поэтому хорошо знал дорогу. Его автомобиль очень скоро вырвался из сверкающего ночными огнями города и резво помчался по шоссе.

По пути Туманов несколько раз набрал номер друга, но тот не отвечал. Зато позвонил Андрей.

— Не разбудил, пап? — спросил он.

— Нет, сынок. Ты же знаешь, я полуночник. Да и время еще детское.

Сверившись с часами, Туманов к своему удивлению обнаружил, что уже начало одиннадцатого и спросил себя, а не повернуть ли обратно? До дачного поселка еще минут двадцать езды, столько же займет разговор с Никольниковым, а ведь потом еще назад возвращаться. Что у него все-таки стряслось? Неожиданное сообщение вызвало не только тревогу в душе за друга, но и предчувствие беды. А вдруг Светлана открылась, помимо Аллы, еще и мужу? В таком случае предстоит очень неприятный разговор, а может и что похуже...

Все эти мысли пронеслись в его голове так стремительно, что уложились в короткую паузу, не замеченную Андреем.

— Хорошо, — сказал он. — Ты не дома? Я слышу какой-то шум в трубке.

— Кдругу еду, — пояснил Туманов. — Никольников Юра, помнишь? Вызвал меня срочно, а в чем дело, не объяснил. Вот, мчусь теперь.

— Ты поосторожнее за рулем, пап, — попросил Андрей. — Давай я потом перезвоню, когда до места доберешься?

— Не надо. Дорога совершенно пустая. Ты что-то хотел или просто так позвонил? Дело есть?

— Просто так, — был ответ, за которым последовало не слишком логичное продолжение: — Пап, ты не возражаешь, если я у вас поживу?

— Что-то случилось?

— Почему обязательно случилось? Просто нам с Любой некоторое время лучше пожить отдельно.

— Отдельно, — невесело повторил Туманов. — Лучше. Вам с Любой. А Данилку вы спросили? Ему как лучше?

— Папа! — почти выкрикнул Андрей, и в голосе его было столько боли, что можно было не продолжать. И все же он примирительно добавил: — Давай не будем, ладно? Не режь по живому. Мне и так...

Он не договорил, проглотив определение, но Туманов понял.

— Живи, конечно, — сказал он. — Это не только наша квартира, но и твоя тоже. Маму предупредить? Или сам позвонишь?

— Лучше ты скажи, — решил Андрей. — А то начнет: что да как, да почему... Не хочу сейчас об этом. Позже.

— Правильно, — поддержал сына Туманов. — Дай проблеме отлежаться. Глядишь, все образуется.

— Ага, само собой.

— Такое тоже бывает. Когда тебя ждать?

— Завтра днем, — ответил Андрей. — Маме скажи, что я просто проведать вас решил.

— Хм. Не поверит она.

— Знаю. Но ты все равно скажи.

На том разговор закончился. Попрощавшись, Туманов сосредоточился на дороге. Машин было мало, фарами никто

не слепил, колеса по выбоинам не скакали, так что езда могла бы доставлять удовольствие, если бы не тревожные мысли и испорченное сыном настроение. На это накладывался неприятнейший осадок после размолвки с женой.

Туманов тяжело переживал ссоры. Сильнее всего его угнетали даже не собственные обиды, а то, что в запале он переставал контролировать себя. Начинал огрызаться, становился мелочным, злопамятным. Виновата была гордыня, та самая, которая числится среди смертных грехов человечества. Именно она не позволяла обнять Аллу, покаяться, попросить прощения. А потом уже было слишком поздно и обмен колкостями перерастал в длительную ссору.

Неужели это так обязательно? Неужели нельзя по-другому?

Остановив машину на въезде в дачный поселок, Туманов достал телефон и позвонил Алле. Гудки длились целую вечность, но ответа так и не последовало. Туманов сделал еще одну попытку. Где-то вдалеке монотонно и однообразно лаяла собака, умудряясь попадать в такт сигналам вызова. Потом гудки в трубке прекратились, и собака тоже умолкла, словно ожидая продолжения. Но Туманов перезванивать не стал, чертыхнулся и снял машину с тормоза.

Ворота были распахнуты настежь, въезд никто не охранял. Поселок был маленький, населенный в основном пенсионерами. Отсутствие газа и водопровода делало его малопривлекательным для желающих обзавестись загородным особняком. Небольшие домишки, обнесенные ржавыми сетками, углы черепичных крыш, редкие фонари и наезженные колеи вместо дорог — вот, что представляло собой это место.

Владения Никольникова находились на первой линии, примыкающей к небольшому озеру, сильно мелеющему в летнюю пору из-за множества шлангов, качающих воду на лоскуты огородов. Машину Туманова встретил и проводил душераздирающий хор лягушек, исполнивший нечто вроде приветственной оды. Выбравшись из авто, он тотчас прихлопнул

на щеке комара, отмахнулся от назойливого жужжания второго и вошел в калитку, которую сначала пришлось приподнять — иначе она не открывалась.

Дом, сложенный из белого кирпича, четко выделялся на фоне сада, слившегося в сплошное темное нагромождение кустов и деревьев. Вдоль дорожки виднелся зеленый удав шланга. Возле окаменелой кучи песка ржавел трехколесный велосипед. Из железной бочки на углу тянуло болотной гнилью. На втором этаже уютно светилось окно, до половины затянутое пожелтевшими газетами.

Пройдя под аркадой дикого винограда, Туманов ступил на крыльцо и увидел, что дверь приоткрыта.

— Встречай, Юрка!

Потянув дверь на себя, Туманов вошел в дом и очутился в помещении, представляющем собой гибрид веранды с кухней. Обе комнаты зияли чернотой дверных проемов, но сверху брезжил свет.

— Юра-а? Это я.

Туманов шагнул к узкой, неестественно выгнутой лестнице, круто уходящей вверх. Подниматься туда решительно не хотелось. Почему Никольников не отзывается? Неужели действительно дрыхнет, как язвительно предположила Алла? Или он умышленно хранит молчание?

Ни с того ни с сего Туманов вспомнил про ружье, хранящееся на втором этаже, в комнате, служившей Никольникову кабинетом. Ружье было пневматическое, но очень мощное, пробивающее лист фанеры с десяти шагов. А что, если оно сейчас находится в руках хозяина, молча ожидающего гостя? На столе — пара пустых бутылок и консервная банка, набитая окурками. Глаза Никольникова воспаленные, красные, будто светящиеся изнутри...

Туманов увидел это все так явственно, что, поднимаясь по ступеням, еще дважды окликнул друга. Почему-то ему казалось очень важным услышать его голос до того, как они встретятся лицом к лицу.

Вспомнилось, как они со Светланой встречали Никольникова из армии. Стояли на перроне, радостно скалились, а в душе боялись разоблачения. Этот страх преследовал их всю жизнь. Перепихнулись они всего-то раз пять или шесть, а угрызения совести остались навсегда. Каждый раз, встречаясь с другом, Туманов ждал, что тот прочтет что-то в его взгляде, разгадает фальшивые нотки в его голосе. С годами это ощущение притупилось и почти стерлось, но вот теперь вдруг проявилось с новой силой, заставляя напрягаться, потеть и настраиваться на худшее.

«Лучше бы я сюда не приезжал», — мелькнула мысль.

Она потом еще неоднократно приходила Туманову в голову, как бы издеваясь над ним и напоминая о сделанном выборе.

— Юра?

Пригнувшись под крутым скосом потолка, Туманов сделал два шага вперед и выпрямился. Он стоял в почти пустой комнате с рулонами старых ковров, дурацким проигрывателем на крашеной тумбочке и прочим хламом подобного рода. Свет, вырывающийся из кабинета, падал ярким прямоугольником на серый потертый ковер с черно-белым узором. Ступив на него, Туманов увидел Никольникова.

Он сидел на крутящемся креслице, уронив голову на письменный стол с пестрым коллажем под стеклом. Ружья рядом не было, только разобранная бамбуковая удочка валялась на полу. Вокруг настольной лампы с оранжевым абажуром роилась ночная мошкара, сквозь открытую форточку тянуло свежестью и сыростью.

— Скатерть белая залита вином, — пробормотал Туманов, приближаясь. — Все гусары спят беспробудным сном...

Он взял Никольникова за обмякшие плечи, приподнял и встряхнул. Поникшая голова пьяно мотнулась от плеча к плечу, но не поднялась.

— Лишь один не спит, пьет шампанское, — продекламировал Туманов, выискивая взглядом бутылку или стакан, — по обычаю по гусарскому... Ну, просыпайся уже. Ты что, набрался?

Продолжая держать друга за плечи, чтобы не позволить ему опять свалиться на стол, Туманов нахмурился. Допустим, Никольников выпил лишнего и отправил СМС сдуру или от скуки. Тогда почему мобильного не видно? Он ведь, по идее, должен лежать у Юрки под рукой. И нигде не наблюдалось какой-нибудь емкости со спиртным. А еще пепельницы, потому что, подвыпив, Никольников непременно должен был дымить, как паровоз.

— Эй! Эй?

Туманов снова встряхнул друга и чуть не уронил на пол. Безвольно раскинувшееся на кресле тело стало сползать вниз; понадобилось немало усилий для того, чтобы заставить его сидеть ровно. Справившись с этой задачей, Туманов развернул Никольникова лицом к себе.

Тишина в доме сделалась такой пронзительной, что жужжание сонной мухи под газетой на окне казалось просто оглушительным. Туманов переступил с ноги на ногу, и шорох собственных подошв заставил его вздрогнуть.

Никольников был мертв. В молодости он гордился своим сходством с Сергеем Есениным, вот и сейчас его вид воскресил в памяти посмертные снимки поэта. Седой кудрявый чубчик на одутловатом, страдальчески искаженном лице смотрелся глупо и кощунственно. В углу обиженно выпяченных губ выступила капля, похожая на раздавленную смородину. Один глаз был крепко зажмурен, а второй с упрёком поглядывал на Туманова из-под приоткрытого века. Руки бессильно свисали, почти касаясь пола, колени были широко расставлены, но в позе Никольникова не ощущалось расслабленности. Задравшаяся футболка обнажила волосатый выпуклый живот с потеками крови. А из груди покойника торчал деревянный черенок кухонного ножа с круглыми блестящими заклепками. Точно таким же пользовался Туманов, когда разделявал дома мясо.

— Юра... Юрка... Да что же это такое...

Рука произвольно потянулась к рукоятке ножа, обхватила ее, дернула. Не нужно было этого делать. Плотное засевшее

Літературно-художнє видання

МАЙДУКОВ Сергій
Смертельний капкан

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *О. Е. Лисовикова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадеєва*

Підписано до друку 06.11.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 10000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Відруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

МАЙДУКОВ Сергей
Смертельный капкан

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Е. Э. Лисовикова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 06.11.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 10000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Пятдесятирічний Туманов отримує дивне повідомлення від свого друга, журналіста Никольникова. Той наполягає на зустрічі в якомусь малолюдному місці. Приїхавши туди, Туманов знаходить товариша вбитим. Ті, під кого рив журналіст, прибрали його, заодно вирішивши підставити Вадима Петровича. Тепер він звинувачується у вбивстві, з повним набором доказів і мотивом. Туманов-молодший починає власне розслідування, щоб витягнути батька і не дати йому згнити на зоні. Андрій звертається до старого друга Туманова — прокурора Соболева. Молоденька слідча Уварова, з якою Андрій заводить роман, допомагає дістати матеріали слідства. Але хтось дуже не хоче, аби герой докопався до істини...

Майдуков С.

М14 Смертельный капкан : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 256 с.

ISBN 978-617-12-4191-6

Пятидесятилетний Туманов получает странное сообщение от своего друга, журналиста Никольникова. Тот настаивает на встрече в каком-нибудь малолюдном месте. Приехав туда, Туманов находит товарища убитым. Те, под кого рыл журналист, убрали его, заодно решив подставить Вадима Петровича. Теперь он обвиняется в убийстве, с полным набором улик и мотивом. Туманов-младший начинает собственное расследование, чтобы вытащить отца и не дать ему сгнить на зоне. Андрей обращается к старому другу Туманова — прокурору Соболеву. Молоденькая следовательница Уварова, с которой Андрей закручивает роман, помогает достать материалы следствия. Но кто-то очень не хочет, чтобы герой докопался до истины...

УДК 821.161.1(477)

РОДНАЯ КРОВЬ

Благородный поступок — спасение собственного раненого ребенка после нападения... На первый взгляд. Пока не выясняется, что ребенок занимается перевозкой наркотиков, врет и беспокоится только о своих интересах. Но ведь это же сын, Антон Неделин!.. А Егор Неделин — принципиальный человек, бывший следователь, отсидевший за то, что застрелил «нового русского». Егор обожает внука и невестку, но каждый следующий поступок сына оставляет все меньше желания помогать Антону. Сможет ли отец простить сына? Поймет ли сын свою ошибку? Удается ли обом избежать наказания? Ведь задача усложняется тем, что в дело ввязываются несколько подонков...

С РИСКОМ ДЛЯ ЖИЗНИ

Бывшего бандита и «кидалу» Игоря Красозова вернуться в родной город заставила беда. Старые родители скопили денег ему на квартиру и звали поселиться рядом, но перед самым приездом сына были ограблены и жестоко убиты. Игорь догадывается — все дело в злополучной квартире. Почему же банда, о которой пишут газеты, стала будто невидимкой для прокуратуры? Честолюбивая, беспринципная и расчетливая журналистка Тамара — единственная помощница Игоря в его опасном расследовании. Но кому можно верить в опасной игре, где двое — против всех, а ставка — сама жизнь?..

ГОНКА С ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ

Узнав о планах местного олигарха Лозового вывезти за границу краденые алмазы, Варя Добрынина понимает: эти бесценные камешки — ее путь к свободе. Обмануть охрану Лозового, сибирских бандитов, которые жаждут вернуть свое, готовых на все конкурентов и заставить играть по ее правилам Владимира Мошкова — незадачливого водителя фуры с грузом хрустальных люстр, среди которых и решено спрятать алмазы... Однажды Варя поймет: в безумной гонке за опасным призом только Володе можно доверять, а камни — уже давно не единственная ставка в ее игре со смертью...

